

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2023.95.14.022

К вопросу о трансграничном банкротстве в современной юридической практике

Бандурина Наталья Владимировна

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права,
Всероссийский государственный университет юстиции;
доцент Департамента правового регулирования
экономической деятельности,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: nbandurina@yandex.ru

Гаврилов Владислав Сергеевич

Юрист,
ЗАО «Сотби»,
119048, Российская Федерация, Москва, ул. Усачева, 35с1;
e-mail: gavrilowws@yandex.ru

Сироткин Илья Алексеевич

Ведущий менеджер департамента проблемных активов,
ПАО «Промсвязьбанк»,
109052, Российская Федерация, Москва, ул. Смирновская, 10с22;
e-mail: ilya_sirotkin_98@mail.ru

Аннотация

В статье раскрыто содержание основных подходов отечественных и зарубежных исследователей по вопросу трансграничного банкротства. На основе анализа актуальной судебной практики, а также действующего законодательства о банкротстве сделаны выводы о правомерности возбуждения конкурсного производства в отношении иностранной компании. Принимая во внимание зарубежный опыт, авторами предложен механизм решения поставленной в исследовании проблемы, позволяющий соблюсти права кредиторов и при этом не нарушить уже сложившийся порядок. Игнорирование вопроса о банкротстве иностранных юридических лиц уже сегодня позволяет регистрировать организацию за рубежом, вести деятельность на территории РФ, при этом избегая риск впасть в банкротство в юрисдикции России. Данная проблема грозит не только причинению вреда правам кредиторов, но и экономическому порядку государства в целом. Для предотвращения такого развития событий законодателю необходимо серьезно подойти к разработке специальных положений, позволяющих соблюсти баланс между уже существующими положениями законодательства и правами отечественных кредиторов. В

Решении АС Челябинской области уже заложен фундамент механизма, который возможно раскрыть, опираясь, в том числе, и на зарубежный опыт.

Для цитирования в научных исследованиях

Бандурина Н.В., Гаврилов В.С., Сироткин И.А. К вопросу о трансграничном банкротстве в современной юридической практике // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 6А. С. 136-144. DOI: 10.34670/AR.2023.95.14.022

Ключевые слова

Трансграничное банкротство, банкротство юридических лиц, компетенция суда, имущественная масса должника, выделение активов.

Введение

Вопрос трансграничного банкротства является одним из самых дискуссионных в отечественной юридической доктрине. Актуальность трансграничного банкротства, сопровождаемая публикацией огромного количества научной литературы, прежде всего вызвана практически полным отсутствием специальных правовых положений в национальном и международном праве. Однако столь пассивная деятельность законодателя по данному вопросу не означает, что такие правоотношения не возникают.

На современном этапе, в ситуации глобализации экономики разных стран, судам все чаще приходится решать ряд сложных вопросов, касающихся трансграничного банкротства. К их числу относится и один из важнейших вопросов данной отрасли, а именно определение судебной компетенции. В частности, вопрос о компетенции российского суда возбудить дело о банкротстве в отношении иностранного юридического лица.

Действующее российское законодательство содержит единственное положение, непосредственно относящееся к трансграничному банкротству (п. 6 ст. 1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»; далее - Закон о банкротстве). Оно посвящено признанию на территории Российской Федерации решений судов иностранных государств по делам о несостоятельности (банкротстве) на началах взаимности. Однако и данное положение не раз подвергалось критике в научной литературе. Исследователями отмечается отсутствие единого толкования российскими арбитражными судами данного принципа [Костин, 2022; Мохова, 2023].

Очевидно, что при нерешенности иных вопросов трансграничного банкротства, также и не решен вопрос о возможности банкротства иностранных юридических лиц.

Основная часть

В общем смысле несостоятельность (банкротство) представляет собой признанную судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов. Трансграничное банкротство возникает при проявлении юридической связи банкротного отношения с правовыми порядками двух и более государств. В основном иностранный элемент проявляется в отнесении должника и кредиторов к юрисдикциям разных государств, либо факт нахождения имущественной массы должника на территории двух и более стран.

Основной массив доктринальных исследований в области трансграничного банкротства

принадлежит зарубежным исследователям. В этой связи, не представляется верным рассматривать институт трансграничной несостоятельности, не прибегая к мировому опыту. Зарубежные правоведы выработали несколько подходов к определению сущности трансграничного банкротства.

Первый подход упрощает рассматриваемый институт и напрямую соотносит возникновение отношений банкротства так называемых транснациональных компаний (далее – ТНК) с трансграничной несостоятельностью [Wood, 2007]. Данный подход именуется материальным. Предполагается неправильным считать, что трансграничное банкротство ограничивается лишь случаями банкротства ТНК. Например, физические лица, которые имеют активы и кредиторов в различных юрисдикциях, также могут выступать субъектами отношений, возникающих при трансграничной несостоятельности. Следовательно, логичнее относить банкротство с участием ТНК к одному из возможных вариантов трансграничной несостоятельности.

Сторонники *процессуального подхода* руководствуются принципом «трансграничное производств». То есть, трансграничное банкротство должно быть связано с возбуждением производства о банкротстве. При этом упускается очевидный довод, что во многих случаях для решения правового казуса будет достаточно признания судебного акта другого государства. Кроме того, сам факт наличия либо отсутствия производства по делу о несостоятельности не поможет разобраться в довольно сложных правоотношениях трансграничного банкротства.

Коллизионный подход поддерживается большинством правоведов и указывает в качестве обязательного признака отношений, возникающих при трансграничной несостоятельности, наличие того или иного иностранного элемента [Bebchuk, Guzman, 1998; Verougstraete, 1998; Toremans, 2001]. В свою очередь, иностранный элемент в указанных отношениях может присутствовать в различных вариантах, основные из которых это должник, кредиторы и активы должника.

Не менее важным является и вопрос о зарубежном опыте в вопросе о правовом регулировании трансграничного банкротства. На данный момент в мировой научной литературе принято выделять две модифицированные модели правового регулирования данного института, которые возникли из первоначальных принципов: «универсализм» и «территориализм».

Первая модель (это территориализм, который основан на сотрудничестве) предполагает, что государство применяет собственное право по отношению к активам должника, расположенным только на территории данной юрисдикции. Производства могут проходить и в другом государстве, где находятся активы должника, но для этого предполагается сотрудничество между договаривающимися странами по делам о банкротстве. В свою очередь, сотрудничество достигается посредством взаимодействия специально уполномоченных сотрудников – агентов, которые назначаются судом для совместного распоряжения активами [LoPucki, 2000].

Иным подходом является *модель «модифицированного универсализма»*. Данная концепция предполагает возможность открытия вторичных производств по делу о банкротстве в разных государствах. Она может быть реализована только с помощью международно-правовых документов (как императивного, так и диспозитивного характера) [Westbrook, 2000]. Использование подобной модели видится более простым, чем использование модели «универсализма» в ее чистом виде.

В юридической литературе одним из архитипичных примеров трансграничного банкротства является дело «Maxwell Communication Corporation» [Собина, 2012]. Должником являлась крупная медиа-корпорация, управляемая из Великобритании, но имевшая активы во многих странах, включая Соединенные Штаты Америки. В указанном деле взаимодействие

производств, открытых одновременно в США и Великобритании, происходило на основе так называемого протокола, который был подготовлен арбитражными управляющими (которые были назначены в одном государстве и признаны другими), а затем утвержден в судебном порядке. Вышеуказанный пример очень гармонично смотрится при рассмотрении модели «модифицированного универсализма».

В рамках данного исследования стоит также обратить внимание на концепцию центра основных интересов должника, так называемый COMI-стандарт (center of main interests of the debtor – COMI). Данный стандарт на сегодняшний день занимает ключевое место в европейской практике – он закреплен в Регламенте Европейского Союза 2015/848 от 20 мая 2015 г. о процедурах несостоятельности (далее – Регламент ЕС), а также в Типовом законе ЮНСИТРАЛ 1997 года.

Согласно Регламенту ЕС под COMI понимается место, в котором должник на регулярной основе осуществляет управление своими интересами и которое подтверждено третьими лицами. Данный стандарт при возбуждении дела о банкротстве позволяет избирать юрисдикцию того государства, в котором должник преимущественно ведет свою хозяйственно-экономическую деятельность или же где расположена наибольшая часть его имущества [Мохова, 2018]. Если определить это невозможно, то действует «правило презумпции», которое устанавливает в качестве центра основных интересов место государственной регистрации должника.

Фактически, «правило презумпции» отождествляется с личным законом юридического лица, опираясь только на место инкорпорации организации. Именно этот подход реализуется в Российской Федерации, не оставляя возможности российскому арбитражному суду возбудить дело о банкротстве в отношении иностранного юридического лица, отсылая к личному закону должника. Такой подход упрощает выбор юрисдикции, однако не всегда отражает реальную действительность и может повлечь причинение вреда правам кредиторов.

В 2011 году Министерством экономического развития РФ был разработан проект Федерального закона «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)», работа над которым «заморожена» уже более 10 лет [Панова, 2014]. В данном законопроекте ключевое место при определении юрисдикции выделялось именно центру основных интересов.

Для установления центра основных интересов помимо места регистрации должника также в законопроекте уделялось внимание местонахождению основного имущества должника, части кредиторов, производственных ресурсов, месту осуществления основной предпринимательской деятельности и др. В случае, если подтверждалось наличие COMI иностранного юридического лица на территории России, то российский арбитражный суд был бы компетентен возбудить дело о банкротстве.

Мировой опыт стремится к автоматическому признанию и приведению в исполнение иностранных решений о банкротстве. Однако, как уже было указано выше, для такого сотрудничества необходимо заключение международных договоров. Россия на сегодняшний день не является участником практически ни одного подобного многостороннего договора [Иванова, 2020]. Это подтверждает вывод, что российские суды не компетентны возбудить дело о банкротстве в отношении иностранного юридического лица. Данную ситуацию мог бы исправить Федеральный закон «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)», однако, в следствие того, что он так и не был принят, открытие конкурсного производства в отношении иностранного юридического лица в России виделось невозможным.

На практике российские арбитражные суды зачастую ссылаются на неприменимость Гражданского кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» к лицам, которые не были учреждены в соответствии с нормами гражданского

законодательства Российской Федерации, то есть были учреждены за рубежом. Также судьи ссылаются на ст. 1202 ГК РФ о личном законе юридического лица, предполагающая ликвидацию общества в соответствии с законодательством страны, где лицо было зарегистрировано. Подкрепляются данные аргументы и тем, что «негативные» последствия, которые влечет за собой признание юридического лица банкротом, фактически невозможно применить на территории иностранного государства. Из совокупности вышеперечисленных аргументов делается вывод, что российское законодательство не допускает банкротства иностранных юридических лиц.

Отечественная практика до определенного момента содержала только примеры неудачных попыток инициировать в отношении иностранного юридического лица дело о банкротстве в России. Первым успешным примером такой ситуации является решение Арбитражного суда Челябинской области от 22 апреля 2022 года по делу №А76-31539/2021 (далее – решение АС Челябинской области), в котором суд впервые в российской судебной практике ввел конкурсное производство в отношении иностранной компании. Решение АС Челябинской области поднимает множество важных вопросов, которые безусловно нуждаются в детальном анализе.

В рассматриваемом деле кредитор, являющийся гражданином России, обратился в суд с заявлением о признании банкротом иностранного юридического лица Pandora consulting LC, зарегистрированного в государстве Сент-Китс и Невис.

Было установлено, что в спорный период должник имел расчетный счет в российской кредитной организации, основным видом деятельности компании являлось ведение юридического бизнеса на территории Российской Федерации, а единственным участником организации являлся гражданин России.

Ссылаясь на буквальное толкование материальных и процессуальных норм российского законодательства (ст. 247 АПК РФ, ст. 1 Закона о банкротстве), суд указал на отсутствие компетенции российского арбитражного суда вести производство по делам о банкротстве в отношении иностранных юридических лиц. Однако отказ в возбуждении дела суд посчитал нецелесообразным, так как это неминуемо влечет ограничение прав кредиторов на получение эффективной судебной защиты. Таким образом, руководствуясь интересами кредиторов, суд принял решение возбудить конкурсное производство в отношении имущественной массы должника.

Сложно согласиться с тем, что буквальное толкование ст. 247 АПК РФ не предполагает возможности возбуждения производства в отношении иностранного юридического лица. Названная статья в совокупности с принципом наиболее тесной связи, являющимся специальным принципом МЧП, может служить аналогией центра основных интересов. Более того, ст. 36 АПК РФ позволяет определить компетенцию суда по местонахождению имущества или представительства юридического лица [Шефас, 2020].

В целом же подход суда видится верным. Открытие производства в отношении именно имущественной массы должника вполне релевантно. Суд, учитывая территориальную привязку и тесную связь имущественной массы с РФ, применяет аналогию иным институтам банкротства неправосубъектных образований (наследственной массы, крестьянского фермерского хозяйства), а также институту распределения имущества ликвидированного юридического лица. Таким образом, суд «лавирует» между существующими законодательными препятствиями и соблюдением прав кредиторов. Нельзя отрицать, что в данном случае отказ от возбуждения дела о банкротстве неминуемо повлечет за собой ограничение прав кредиторов на получение эффективной судебной защиты. Это, в свою очередь, противоречит ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей право на судебную защиту.

Как отмечает Е.В. Мохова, «если государство стремится обеспечить права отечественных кредиторов тем имуществом, что находится на его территории, то оно должно или предусмотреть для этих целей специальную коллективную процедуру (например, с успехом применяемое за рубежом вторичное производство), или допустить параллельное классическое банкротство, в том числе в отношении иностранных должников» [Мохова, 2016].

Учитывая текущую внешнеполитическую обстановку крайне маловероятно, что в ближайшее время Российская Федерация будет участвовать в международных конвенциях в сфере трансграничного банкротства либо заключать соглашения о порядке взаимного исполнения судебных актов о банкротстве. При этом, рассмотренные нами модели производства трансграничного банкротства предполагают активное сотрудничество государств в рамках соглашений или ратифицированных конвенций. Скорее всего, в судебной практике будет сформирован подход на основании принципа территориализма в его чистом виде. То есть, применение права по отношению к активам должника, которые находятся исключительно на территории государства без сотрудничества с другими правопорядками.

В связи с этим становится ясно, что законодателю необходимо сформировать механизм по искусственному выделению активов иностранной организации, находящихся на территории России и необходимых для погашения задолженности перед кредиторами. Скорее всего, российские суды будут применять политику ареста всех активов на территории государства, подобной той, которую применяет, например, Великобритания в отношении активов должника, находящихся во всем мире. То есть, происходит замораживание активов должника на территории РФ и применяется требование о раскрытии информации обо всех активах. За нераскрытие информации полагается тюремный срок.

И в контексте данного подхода сразу же вспоминается известный пример М. Аблязова, который во время проведения судебного разбирательства предоставил информацию не обо всех своих активах. Впоследствии он начал продавать нераскрытые активы, причем делал это через прямые договоры купли-продажи. Суд неукоснительно заявил, что это неуважение к суду («contempt of court»), и данный казус немедленно привело к уголовному преследованию и вынесению приговора - 22 месяца в местах лишения свободы. Это очень эффективная процедура получения обеспечительных мер в Великобритании, которая могла быть применима и у нас с некоторыми процессуальными оговорками. Потому что зачастую у суда нет возможности выяснить, где и как прячет свои активы должник, а ко времени получения этой информации любые обеспечительные меры уже утратят всякий смысл.

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что игнорирование вопроса о банкротстве иностранных юридических лиц уже сегодня позволяет регистрировать организацию за рубежом, вести деятельность на территории РФ, при этом избегая риск впасть в банкротство в юрисдикции России. Данная проблема грозит не только причинению вреда правам кредиторов, но и экономическому порядку государства в целом. Для предотвращения такого развития событий законодателю необходимо серьезно подойти к разработке специальных положений, позволяющих соблюсти баланс между уже существующими положениями законодательства и правами отечественных кредиторов. В Решении АС Челябинской области уже заложен фундамент механизма, который возможно раскрыть, опираясь, в том числе, и на зарубежный опыт.

Библиография

1. Иванова Т.А. Институт трансграничного банкротства // Юрист. 2020. № 3. С. 24-28.
2. Костин А.А. Признание иностранных решений об открытии процедуры банкротства на основании международных договоров о правовой помощи (анализ российского и иностранного опыта) // Закон. 2022. № 5. С. 75-92.
3. Мохова Е.В. Компетентный суд и применимое право при привлечении директора должника к ответственности в трансграничном банкротстве // Закон. 2018. № 7. С. 86-106.
4. Мохова Е.В. Признание иностранных банкротств в России: вопрос о финальности судебного акта, открывающего банкротное производство, и поиски решения проблемы его трансграничного эффекта de lege lata // Закон. 2023. № 1. С. 114-139.
5. Мохова Е.В. Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью // Закон. 2016. № 5. С. 139.
6. Определение АС города Москвы от 05.04.2017 по делу № А40-15873/17-8-4 Б.
7. Определение АС Краснодарского края от 02.02.2015 по делу № А32-43709/2014.
8. Панова К.О. Перспективы развития трансграничной несостоятельности в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 1. С. 129-131.
9. Постановление Девятого ААС от 11.02.2020 № 09АП-2602/20.
10. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 22 апреля 2022 г. по делу № А76-31539/2021.
11. Собина Л.Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве. М.: Статут, 2012. 238 с.
12. Шефас П. О банкротстве иностранных юридических лиц в России: компетенция судов и гарантии защиты российских кредиторов // Цивилистика. 2020. № 5. С. 165.
13. Bebchuk L.A., Guzman A.T. An Economic Analysis of Transnational Bankruptcies // NBER Working Paper 6521. 1998. April. P. 4.
14. Buxbaum H.L. Rethinking International Insolvency: The Neglected Role of Choice-of-Law Rules and Theory // Stanford Journal of International Law. 2000. Vol. 36:23. P. 23.
15. LoPucki L.M. The Case for Cooperative Territoriality in International Bankruptcy // Michigan Law Review. 2000. Vol. 98. P. 742.
16. Toremans P. Cross-Border Insolvencies in EU, English and Belgian Law // Kluwer Law International. 2001. P. 3.
17. Tung F. Is International Bankruptcy Possible? // Michigan Journal of International Law. 2001. Vol. 23:1. P. 2.
18. Verougstraete I. Manuel de la Faillite et du Concordat // Kluwer Editions Juridiques Beligiques. 1998. P. 617.
19. Westbrook J.L. A Global Solution to Multinational Default // Michigan Law Review. 2000. Vol. 98. P. 2278.
20. Wood P. Principles of International Insolvency. L., 2007. P. 619.

To the question of cross-border bankruptcy in modern legal practice

Natal'ya V. Bandurina

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Civil and Business Law,
All-Russian State University of Justice;
Associate Professor of the Department of Legal Regulation
of Economic Activity,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: nbandurina@yandex.ru

Vladislav S. Gavrilo

Lawyer of CJSC Sotby,
119048, 1, 35, Usacheva str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: gavriloows@yandex.ru

Il'ya A. Sirotkin

Leading Manager of the Troubled Assets Department,
PJSC Promsvyazbank,
109052, 22, 10, Smirnovskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: ilya_sirotkin_98@mail.ru

Abstract

The article reveals the content of the main approaches of domestic and foreign researchers on the issue of cross-border bankruptcy. Based on the analysis of current judicial practice, as well as the current bankruptcy legislation, conclusions were made about the legality of initiating bankruptcy proceedings against a foreign company. Considering foreign experience, the authors propose a mechanism for solving the problem posed in the study, which makes it possible to observe the rights of creditors and at the same time not violate the already established order. Ignoring the issue of bankruptcy of foreign legal entities already today allows you to register an organization abroad, conduct business on the territory of the Russian Federation, while avoiding the risk of bankruptcy in the jurisdiction of Russia. This problem threatens not only to harm the rights of creditors, but also to the economic order of the state as a whole. To prevent such a development of events, the legislator needs to take a serious approach to the development of special provisions that allow maintaining a balance between existing legal provisions and the rights of domestic creditors. The Decision of the Arbitration Court of the Chelyabinsk Region has already laid the foundation for a mechanism that can be revealed, relying, among other things, on foreign experience.

For citation

Bandurina N.V., Gavrilov V.S., Sirotkin I.A. (2023) K voprosu o transgranichnom bankrotstve v sovremennoi yuridicheskoi praktike [To the question of cross-border bankruptcy in modern legal practice]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 13 (6A), pp. 136-144. DOI: 10.34670/AR.2023.95.14.022

Keywords

Cross-border bankruptcy, bankruptcy of legal entities, competence of the court, property mass of the debtor, allocation of assets.

References

1. Bebchuk L.A., Guzman A.T. (1998) An Economic Analysis of Transnational Bankruptcies. *NBER Working Paper 6521*, April, p. 4.
2. Buxbaum H.L. (2000) Rethinking International Insolvency: The Neglected Role of Choice-of-Law Rules and Theory. *Stanford Journal of International Law*, 36:23, p. 23.
3. Ivanova T.A. (2020) Institut transgranichnogo bankrotstva [Institute of cross-border bankruptcy]. *Yurist* [Lawyer], 3, pp. 24-28.
4. Kostin A.A. (2022) Priznanie inostrannykh reshenii ob otkrytii protsedury bankrotstva na osnovanii mezhdunarodnykh dogovorov o pravovoi pomoshchi (analiz rossiiskogo i inostrannogo opyta) [Recognition of foreign decisions on opening bankruptcy proceedings on the basis of international agreements on legal assistance (analysis of Russian and foreign experience)]. *Zakon* [Law], 5, pp. 75-92.
5. LoPucki L.M. (2000) The Case for Cooperative Territoriality in International Bankruptcy. *Michigan Law Review*, 98, p. 742.
6. Mokhova E.V. (2018) Kompetentnyi sud i primenimoe pravo pri privlechenii direktora dolzhnika k otvetstvennosti v transgranichnom bankrotstve [Competent court and applicable law when bringing the director of the debtor to liability]

- in cross-border bankruptcy]. *Zakon* [Law], 7, pp. 86-106.
7. Mokhova E.V. (2023) Priznanie inostrannykh bankrotstv v Rossii: vopros o final'nosti sudebnogo akta, otkryvayushchego bankrotnoe proizvodstvo, i poiski resheniya problemy ego transgranichnogo effekta de lega lata [Recognition of foreign bankruptcies in Russia: the question of the finality of a judicial act opening bankruptcy proceedings and the search for a solution to the problem of its cross-border effect de lega lata]. *Zakon* [Law], 1, pp. 114-139.
 8. Mokhova E.V. (2016) Transgranichnye bankrotstva za rubezhom i v Rossii: v poiskakh balansa mezhdru universalizmom i territorial'nost'yu [Cross-border bankruptcies abroad and in Russia: in search of a balance between universalism and territoriality]. *Zakon* [Law], 5, p. 139.
 9. *Opredelenie AS goroda Moskvy ot 05.04.2017 po delu № A40-15873/17-8-4 B* [Determination of the Arbitration Court of the city of Moscow dated 04/05/2017 in case No. A40-15873 / 17-8-4 B].
 10. *Opredelenie AS Krasnodarskogo kraya ot 02.02.2015 po delu № A32-43709/2014* [Determination of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory dated February 2, 2015 in case No. A32-43709/2014].
 11. Panova K.O. (2014) Perspektivy razvitiya transgranichnoi nesostoyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii [Prospects for the development of cross-border insolvency in the Russian Federation]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 1, pp. 129-131.
 12. *Postanovlenie Devyatogo AAS ot 11.02.2020 № 09AP-2602/20* [Decree of the Ninth AAC dated February 11, 2020 No. 09AP-2602/20].
 13. *Reshenie Arbitrazhnogo suda Chelyabinskoi oblasti ot 22 aprelya 2022 g. po delu № A76-31539/2021* [Decision of the Arbitration Court of the Chelyabinsk Region dated April 22, 2022 in case No. A76-31539/2021].
 14. Shefas P. (2020) O bankrotstve inostrannykh yuridicheskikh lits v Rossii: kompetentsiya sudov i garantii zashchity rossiiskikh kreditorov [On the bankruptcy of foreign legal entities in Russia: the competence of the courts and guarantees for the protection of Russian creditors]. *Tsivilistika* [Civilistics], 5, p. 165.
 15. Sobina L.Yu. (2012) *Priznanie inostrannykh bankrotstv v mezhdunarodnom chastnom prave* [Recognition of foreign bankruptcies in private international law]. Moscow: Statut Publ.
 16. Toremans P. (2001) Cross-Border Insolvencies in EU, English and Belgian Law. In: *Kluwer Law International*.
 17. Tung F. (2001) Is International Bankruptcy Possible? *Michigan Journal of International Law*, 23:1, p. 2.
 18. Verougstraete I. (1998) Manuel de la Faillite et du Concordat. In: *Kluwer Editions Juridiques Beligues*.
 19. Westbrook J.L. (2000) A Global Solution to Multinational Default. *Michigan Law Review*, 98, p. 2278.
 20. Wood P. (2007) *Principles of International Insolvency*. London.